УДК 821.111-1

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЦАРЯ НАВУХОДОНОСОРА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ДАНИИЛ»

М. В. Яценко

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

Поступила в редакцию 30 мая 2017 г.

Аннотация. *в статье рассматривается своеобразие поэтики древнеанглийской библейской парафразы «Даниил» на материале способов создания образа одного из главных героев — царя Навуходоносора. Создавая текст христианского эпоса, поэт явно выходит за рамки эпоса традиционного. Царь не воспринимается как однозначно негативный персонаж, более того, этот образ представлен как развивающийся.*
Ключевые слова: *древнеанглийская поэма «Даниил», библейская парафраза, эпический образ, царь Навуходоносор, эпитет в эпосе, эпическая тема, христианский эпос.*

Abstract: *the article deals with the poetics of the Old English biblical paraphrase Daniel viewing the ways of depicting the image of one of its main characters — king Nebuchadnezzar. Making up a text of Christian epic, the poet goes beyond the limits of traditional one. The king is not seen as a purely negative figure, but as an evolving one.*
Key words: *Old English poem Daniel, biblical paraphrase, epic image, king Nebuchadnezzar, epic epithet, epic theme (type-scene), Christian epic.*

Создание образа персонажа в традиционном эпосе чаще всего рассматривается как использование набора стандартных приемов (эпитеты, сравнения и пр.), представляющее собой лишь дань определенной традиции. Героический эпос предполагает монолитность героя, выделение в отдельном персонаже какой-то одной характеристики [1, 6] (богатырской силы, мужества, преданности, верности слову, коварства и др.). Древнеанглийская традиция представляет интерес, поскольку большая часть ее эпического наследия являет собой эпос не героический, а христианский. Специфика последнего требует особого и пристального рассмотрения, поскольку именно христианский эпос первым обрел письменную фиксацию и стоит у истоков литературы англосаксов на родном языке. Логично начать рассмотрение этого жанра с поэм, входящих в свод поэтических переложений Ветхого и Нового Завета (Кодекс Юниуса). Эта наиболее последовательно организованная из дошедших до нас древнеанглийских поэтических рукописей была записана в начале 11 века и включает среди прочих («Бытие», «Исход», «Христос и сатана») поэму «Даниил». Как и другие дошедшие о нас древнеанглийские поэмы на библейские темы («Юдифь», «Андрей», «Елена» и др.), тексты этой рукописи могли использоваться для проповеди христианства на родном языке [2], особенно необходимой, поскольку богослужение у англосаксов велось на латыни. Поэма «Даниил» представляет собой текст, построенный на основе аллитерационного стихосложения, однако испытавший значительное влияние не только германской, но и традиционной, известной из античной традиции, риторики. Основными следами этого влияния можно назвать широкое использование приема контраста, рамочных структур, синтаксического параллелизма [3]. Автор «адаптировал» средства традиционного эпоса для рассказа о Священной истории. Используя арсенал эпического певца, он раскрывал в эпической традиции новые возможности для осмысления истории и человека с позиций христианства.

Истолкование основного сюжета и образной системы библейской Книги пророка Даниила в древнеанглийской поэме отличается от общей средневековой традиции комментирования этого священного текста. Наиболее известные в Средние века части данной книги, включающие сны и видения, а также их истолкования, в поэме не излагаются. Более того, видения пророку Даниилу (составляющие основу заключительной части Книги пророка Даниила (Дан. гл. 7–12)) в тексте поэмы не упоминаются вовсе. Подробно изложен лишь один сон царя Навуходоносора о древе, его истолкование пророком Даниилом, и история исполнения этого сна (Дан. гл. 4). Древнеанглийский поэт опускает также две важные истории, связанные с библей-

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №16-04-50082 а(ф).

© Яценко М. В., 2017

ским пророком: рассказ о пребывании Даниила во рве со львами (Дан. гл. 6) и о Сусанне и ее спасении пророком (Дан. гл. 13). Таким образом, изменяется соотношение образов главных героев. В центре внимания в древнеанглийской поэме оказывается не образ пророка, а образ царя Навуходоносора [4], [2] и противостояние ему трех отроков Анании, Азарии и Мисаила и пророка Даниила. Название поэмы выглядит условно[2] и отражает скорее библейский источник, к которому возводят содержание поэмы. Композиция поэмы выстроена таким образом, что в центре внимания оказывается душевное состояние царя Навуходоносора.

Основным способом, позволяющим сконцентрировать внимание на образе царя, является нарративная структура поэмы. Каждая из глав поэмы отличается смысловой целостностью и завершенностью, мало характерной для прочих текстов этой традиции. Вместе все шесть глав образуют кольцевую композицию, в центре которой (конец 3 и начало 4 главы) помещены песни, воспетые тремя отроками Ананией, Азарией и Мисаилом в момент их спасения в огненной печи. Третья глава посвящена истории создания золотого истукана и отказу отроков поклониться ему. В конце главы описывается чудо в огненной печи, приводится Песнь Азарии — покаяние от лица израильского народа и молитва о прощении и спасении. Следующая четвертая глава начинается с Песни трех отроков (знаменитого в христианской гимнографии текста, изложенного средствами древнеанглийского аллитерационного стиха). Заканчивается глава описанием восторженных зрителей и слушателей, среди которых Навуходоносор, уверовавший в силу единого Бога Даниила. За счет композиции этих двух глав особенно ярким становится контраст между злостью царя на ослушавшихся отроков в начале третьей главы и его восхищением перед их верой в конце четвертой. Еще один круг кольцевой композиции составляют главы вторая и пятая. Во второй главе описывается первый сон царя и история истолкования этого сна Даниилом. При этом в центре внимания ярость царя, его гнев на кудесников и прорицателей, которые не могут ни рассказать, ни истолковать то, что ему приснилось. В конце второй главы Навуходоносор, кажется, уверовал в Бога Даниила, который открыл ему содержание сна, подобно тому, как он уверовал в Его силу, увидев чудесное спасение отроков в огненной печи (глава 4). Однако эта вера в реальность существования Бога, чтобы стать реальной, действенной, должна перерасти еще и в веру как в верность, преданность Божией воле. Именно процесс обретения такого рода веры и описывается в пятой главе поэмы. Она напоминает вторую главу, поскольку соотносится со сном Навуходоносора. В отличие от второй главы, посвященной процессу истолкования сна, в пятой главе сон царя не только истолковывается, но и излагается. В центре этого сна описание древа, которое в определенный момент срубается под корень, но потом вновь вырастает. Все образы сна подробно истолковываются Даниилом как прообразы событий в жизни царя [4]. В этой же главе рассказывается и история исполнения сна: сумасшествие царя и его семилетнее странствие по пустыне. Заканчивается пятая глава обращением царя к истинному Богу и его избавлением от сумасшествия. Таким образом, 2 и 5 главы образуют кольцевую композицию, поскольку обе содержат рассказы о снах царя. В отличие от библейской книги, в древнеанглийской поэме ни видения, ни мистические смыслы снов, связанные с будущими временами (пришествием Спасителя и антихриста), не затрагиваются. В центре внимания здесь душевное состояние одного человека и его судьба: история обращения царя к истинному Богу [5] оказывается намного важнее разного рода пророчеств. Из разгневанного, высокомерного язычника (2 глава) Навуходоносор превращается в мудрого царя, которому благоволит Господь (конец 5 главы). Две другие главы (1 и 6) расширяют перспективу повествования и составляют еще один круг кольцевой композиции. Первая глава рассказывает о судьбе израильского народа после исхода из Египта и до вавилонского пленения. При этом поэт обращает внимание на нравственные пороки, которые привели к несчастьям израильтян: это гордость, пьянство, отказ от истинного Бога. Создается впечатление, что сам рассказ о Навуходоносоре (во 2-5 главах) являет собой пример одержимости этими же грехами одного человека и нужен поэту, чтобы подробно рассмотреть их природу и способы преодоления греха [5][3]. Шестая глава посвящена рассказу о пире Вальтасара. Во многом его описание соотносимо с рассказами о Навуходоносоре до обращения последнего: Вальтасар так же горд, упивается своей властью и вином. Наличие этого рассказа подтверждает, что весь текст поэмы мог быть обращен не только к народу (как первая глава), но, прежде всего, к правителю. Примечательно, что заключительный эпизод поэмы — истолкование надписи на стене чудесной рукой — прерывается на середине. Поскольку это истолкование повествует о Страшном Суде, то оборванный финал (риторический прием, мало характерный для древнеанглийских текстов) в данном случае подчеркивает

[2] Название дано современными издателями и соотносится с источником поэмы — библейской Книгой пророка Даниила (англ. the Book of Daniel) [2].

[3] Таким образом, рассказ о Навуходоносоре в контексте поэмы представляет собой то, что в античной риторике называется exempla, т. е. притчу-пример.

и неожиданность Божьего суда [6]. Поэма начинает служить предупреждением, обращенным как к народу, так и к правителю [5]. Более того, она содержит призыв к покаянию и описание пути покаяния, пережитого отдельным человеком — Навуходоносором. Композиция поэмы как бы вся сосредоточена вокруг образа царя Навуходоносора, который оказывается развивающимся, переживающим определенную эволюцию. Поскольку внутреннее развитие образа мало характерно для традиционного эпоса, интересным представляется рассмотрение тех приемов, которые используются, чтобы передать это развитие.

Одним из наиболее заметных приемов создания образа, связанных с традиционным эпосом, является эпитет. Он широко применялся в поэме «Даниил» [3]. Характерно, что, используя эпитеты по отношению к царю в первой главе, автор не встраивает их в эпическую вариацию, поскольку царь в этой части текста не является главным действующим лицом, он еще не в центре повествования. Вступление же ко второй главе представляет собой прославление царя, которое начинается с эпической вариации, где употреблено 7 эпитетов в 5 строках. Подобным образом автор употребляет ряды эпитетов и при прославлении Бога, и при описании отроков в огненной печи.

Особого интереса заслуживает проблема истолкования в поэме «Даниил» устойчивых эпитетов. Для царя Навуходоносора наиболее стабильными можно считать обозначения, связанные с его властью: Babilones brego — «вавилонский князь» (Dan 47, 256[4]) и Babilones weard — «Вавилона хранитель» (Dan 99, 117, 167, 209, 228, 448, 487). А также ряд других наименований со словом weard — «хранитель»: burge weard — «хранитель града» (Dan 173), gumrices weard — «хранитель людского царства» (Dan 76, 176), weredes weard (Dan 551) и gumena weard (Dan 635) — «мужей хранитель», middangeardes weard — «хранитель срединного мира» (Dan 596). Интересно, что они соотносимы с обозначениями Бога: heofonrices weard — «Хранитель небесного царства» (Dan 12, 26, 457), mihtig metodes weard — «могучий Охранитель судьбы» (Dan 234), drihtenweard — «Хранитель дружины» (Dan 534), wuldres weard — «Хранитель славы» (Dan 759). По крайней мере, один из этих эпитетов Бога drihtenweard — «Хранитель дружины» синонимичен наименованиям царя weredes weard и gumena weard. Такого рода близость наименований царя и Бога характерна в целом для древнеанглийской традиции, где обозначение drihten, например, употреблялось в двух значениях: «Господь» и «господин», а большая часть именований военного вождя использовалась для обозначения христианского Бога. Эта омонимия может быть истолкована и как отражение идеи божественности царской власти, избранничества царя, и как параллель между царем земным и Царем небесным. В поэме «Бытие», например, отношения между Богом и его ангелами описываются подобно отношениям между вождем и дружинниками. В ряде случаев использование схожих наименований военного вождя Моисея и Бога в поэме «Исход» создает двусмысленность. В «Данииле», однако, поэт не забывает о том, что описывает царя нечестивого, и постоянно использует указания на язычество Навуходоносора (hæðena — «язычник» (Dan 94, 203, 218, 242, 433, 539) и hæðencyninga — «языческий конунг» (Dan 54)).

Наряду с большим количеством устойчивых эпитетов в поэме есть и эпитеты, используемые лишь в определенных ситуациях. Так, обозначение правителя, связанное с его разумом, рассудительностью (ræswa — «советник», «мудрец», «правитель») появляется дважды по отношению к царю, уверовавшему в истинного Бога. В первом случае он обретает веру благодаря чудесному спасению отроков в огненной печи (Dan 416), во втором — после истолкования его сна Даниилом (Dan 486). Примечательно, что в первом случае речь может идти не только о царе, но о его советнике, который предлагает правителю обратить внимание на чудо [2]. Навуходоносор назван ræswa («советник», «мудрец», «правитель») и в конце поэмы, после того, как он пережил сумасшествие и обрел веру в истинного Бога и Его благоволение (Dan 666). Таким образом, эпитет ræswa соотносится в поэме с обращением к вере в единого Бога, а его употребление отражает изменения во внутреннем состоянии героя.

Большое количество эпитетов относится именно к психическому состоянию Навуходоносора. Особенно много их в начале поэмы, когда обращается внимание на гнев царя: wulfheort — «с волчьим сердцем», «разъяренный» (Dan 116, 135, 247), reðe and rædleas — «грозный и неразумный» (Dan 177), bolgenmod — «с распаленным, распухшим сердцем», «свирепый» (Dan 209), gegleded — «распаленный» (Dan 226), yrre — «грозный» (Dan 210, 224), grim — «суровый», «угрюмый» (Dan 226, 229), gealhmod — «кровожадный» (Dan 229), hreohmod — «злобный» (Dan 242), heahheort — «высокомерный» (Dan 539). Гнев, ярость, являющиеся неотъемлемыми атрибутами состояния воина перед битвой, в контексте мирной жизни обретают иные смыслы. Очевидно, что в поэме «Даниил» они осуждаются и воспринимаются как грех.

В поэме появляются эпитеты, за счет которых автор дает оценку состоянию царя с христианских позиций. Царь назван «несчастным», «не блажен-

[4] Здесь и далее текст поэмы «Даниил» приводится по изданию [7] с опущением долгот, указанием номера строки и сокращением Dan (Daniel). Перевод на русский язык автора статьи.

ным» — unbliðe (Dan 127, 134) в начале поэмы, когда он зол на своих прорицателей и гадателей, которые не могут истолковать его сна. Одержимость гневом в данном случае осмысливается как причина «неблаженства», т. е. отхода от состояния близости Богу, лишенность богообщения. В противоположность состоянию несчастья царя автор указывает на счастье, блаженство отроков и пророка Даниила, живущих в единении с Богом. Они названы bliðe — «счастливые/ блаженные» (Dan 256), bliðemode (Dan 253), glædmode (Dan 260) — «счастливый духом/ блаженный в душе».

Интересно, что ряд эпитетов, используемых в героической традиции как величальные, в поэме «Даниил» обретает отрицательные смыслы. Так, Навуходоносор назван wlanc — «гордый» (Dan 96), в «Беовульфе» эта лексема употребляется не только с негативной окраской по отношению к матери Гренделя, убившей воина (Beo 1332[5]), но и по отношению к главному герою, хвалящему перед битвой собственную силу и могущество (Beo 341). Такого рода похвала была необходимой частью поведения воина перед битвой, а перевод данного эпитета в этом контексте «Беовульфа» может звучать как «отважный». В «Данииле» же слово wlanc (Dan 96) употреблено по отношению к Навуходоносору наравне с эпитетами hæðena — «язычник» (Dan 94), cyning corðres georn — «царь, роскошью упоенный» (Dan 95), которые создают отрицательный контекст и объясняют перевод слова wlanc как «гордый».

Более сложная ситуация возникает при истолковании эпитета swiðmod[6]. В «Беовульфе» он употребляется лишь однажды как величальный (Beo 1624) по отношению к заглавному герою, победившему страшное чудовище — мать Гренделя. В «Данииле» данная лексема появляется несколько раз и всегда по отношению к царю Навуходоносору. В первом случае контекст нейтральный и эпитет можно перевести как «славный» (Dan 100). В последнем случае контекст можно понимать как однозначно отрицательный, при этом эпитет swiðmod используется наряду с указанием на гордость царя: Wearð ða anhydig/ ofer ealle men// *swiðmod* in sefan,/ for ðære sundorgife// þe him god sealde,/ gumena rice,// world to gewealde/ in wera life//» — «Возгордился он/ пред всеми людьми// *спесивый* в сердце/ от того дара дорогого,// что ему Господь передал,/ людей царство,// мир под защиту/ и мужей жизнь//» (Dan 604–607). В других случаях контекст нельзя описать ни как однозначно положительный, ни как отрицательный (Dan 161, 269, 449, 528). Общим для всех этих примеров можно назвать ситуацию непосредственного общения с людьми иной веры. В первом из данных эпизодов (Dan 161) говорится о том, как Даниил истолковал сон Навуходоносору, а «отважный?/ свирепый?/ гордый?» царь постиг смысл его слов. В другом случае тот же эпитет употребляется по отношению к царю, когда тот видит, что в огненной печи израильские отроки оказались нетронутыми, а сгорели его слуги-язычники (Dan 269). Далее (Dan 449) царь издает указ о преследовании тех, кто отрицает могущество единого Бога Даниила. При этом Навуходоносор назван еще и bræsna[7], т. е. «необычайно сильный» или «сделанный из меди». Новозаветные ассоциации данного металла[8] обусловливают отрицательные коннотации слова. Здесь, вероятно, подчеркивается тщетность всех усилий царя, стремящегося насильно привить единобожие среди своих подданных. В последнем примере (Dan 528) описываются требования царя истолковать его сон, обращенные к прорицателям и гадателям. Причем в этот момент Навуходоносор заранее знает, что его прорицатели бессильны ему помочь. Таким образом, эпитет swiðmod, который в традиционном эпосе можно рассматривать как величальный, в эпосе христианском приобретает ряд дополнительных коннотаций, так как он возникает в эпизодах, где в центре внимания духовные движения царя относительно истинности веры в единого Бога. Такого рода употребление соотносимо с внутренней формой слова, которое исторически могло означать состояние возбуждения, необходимое воину перед боем.

Важным приемом построения наррации в эпическом тексте было использование эпических тем для выражения определенных мыслей, событий, ситуаций. При создании образа царя Навуходоносора особенно ярко и последовательно в поэме «Даниил» используется тема изгнания. Эта тема появляется в пятой главе при описании сумасшествия царя. Изгнание было состоянием наибольшего несчастья для воина, оно означало потерю поддержки и общества своих соплеменников, и вождя, утрату имущества и социального статуса, часто было наказанием за серьезное нарушение. Тема изгнания [10] появляется в ряде случаев в древнеанглийской поэзии, наиболее последовательно она разрабаты-

[5] Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» приводится по изданию [8] с опущением долгот, указанием номера строки и сокращением Beo (Beowulf).

[6] I. in a good sense (a) great-souled, magnanimous, stout-hearted, (b) stern-minded (в положит. смысле «великодушный», «благородный», «отважный», (b) суровый); II. in a bad sense, of violent mind, arrogant, haughty, high-minded (в отрицат. смысле «жестокий», «высокомерный», «кичливый») [8].

[7] I. brazen, made of brass («медный», «сделанный из меди»; II. strong, powerful, bold, daring («сильный», «могущественный», «смелый», «дерзкий») [9].

[8] «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор 13:1).

вается в элегиях («Морестранник», «Скиталец» и др.) — текстах, посвященных размышлению о бренности мира, воспоминаниям о прежнем счастье в кругу воинов-дружинников. Навуходоносор отправляется как бы в добровольное изгнание в силу своей душевной болезни ликантропии — недуга, при котором человек начинает вести себя как животное. Очевидно, что перед поэтом стояла непростая задача: описать не только изгнание царя, то есть физическое перемещение в пространстве, но и его сумасшествие. При этом изгнанник оказывается более чем странным: он не лишается своего царского достоинства, а само его изгнание не безысходно, оно благополучно завершается возвращением царя к власти. Сама тема изгнания в «Данииле», таким образом, использовалась для передачи несколько иных смыслов, чем в элегиях или в героическом эпосе. При этом поэт развивает тему изгнания как бы трижды на протяжении небольшого отрезка текста. Вначале она используется для описания причин изгнания и несчастья царя, затем — для рассказа о его умственном преображении за счет обращения к Богу в молитве, и наконец, при рассказе о том, как царь-изгнанник вернулся к своим обычным делам. Таким способом автор как бы рассматривает психологическое состояние царя с трех разных временных позиций. Начало каждого из этих отрезков маркируется союзом Ða — «итак», «тогда», «затем». Сумасшествие и избавление от него описываются древнеанглийским поэтом при помощи средств, которые могут обозначать движения как физического, так и мыслительного характера. Рассказывая о гордости царя, автор описывает процесс его движения в изгнание: «Ða for ðam gylpe/ gumena drihten// forfangen wearð/ and on fleam gewat,// ana on oferhyd/ ofer ealle men.//» — «Тогда за высокомерье/ народов господин// застигнутым стал/ и в бегство устремился,// один из гордости/ пред всеми людьми.//» (Dan 612–614). За описанием гордости следует рассказ об обращении царя к Богу с молитвой: «Ða se earfoðmæcg/ up locode,// wilddeora gewita,/ þurh wolcna gang,// gemunde þa on mode/ þæt metod wære,// heofona heahcyning,/ hæleða bearnum// ana ece gast./ Þa he eft onhwearf// wodan gewittes,/ þær þe he ær wide bær// herewosan hige,/ heortan getenge.» — «Тогда тот страдалец/ вверх взглянул// разумом дикого зверя/ чрез облаков гряду// заметил тогда в душе,/ что Промыслитель был,// небесного царства Хранитель,/ мужей сынам// единый вечный дух./ Затем он вновь обратился// умом помраченным/ туда, куда он прежде издалека принес// воина душу,/ с сердцем рядом.//» (Dan 622–628). Перемещения в пространстве, движения глаз царя, как и движения его души описываются при помощи схожих средств, их последовательность можно воспринимать как своего рода вариацию, цель которой, однако, показать изменения в психике героя и его нравственное перерождение. Эволюция душевного состояния в этих строках маркируются через изменения обозначений разума царя. Если в первом случае он обращается к Богу «разумом дикого зверя» (Dan 623), то далее он делает это уже «умом/ мыслью помраченным/ -ной» (Dan 627), в следующих строках действует уже его «дух» (gast Dan 629) и «разум» (mod Dan 630). В последнем фрагменте, построенном с использованием формульных выражений темы изгнания, Навуходоносор описывается как «более скромный» (Dan 634), смиренный человек, который кается в своих грехах, за счет чего обретает избавление от душевного недуга (Dan 631–635).

Таким образом, в древнеанглийской поэме «Даниил» образ царя Навуходоносора выстраивается как развивающийся. Используя традиционные средства эпической наррации, поэт описывает не только яркие эмоции, присущие царю (гнев и ярость), но и его переживания, изменение отношения к миру, людям, приход к вере в единого Бога. Устойчивые эпитеты в тексте не только функционируют как величальные, но и позволяют маркировать движения во внутреннем мире царя, его сомнения в язычестве. Рассказывая о сумасшествии царя, поэт указывает на причину его болезни и описывает разные стадии его излечения. История Навуходоносора занимает центральное место в композиции поэмы (ей посвящены главы 2–5), однако не будем забывать, что обрамляется история царя рассказом о израильском народе (1 глава) и царе Вальтасаре (6 глава). В этих двух описаниях автор акцентирует внимание на тех же нравственных проблемах, которые находятся и в центре рассказа о Навуходоносоре: гордыня, тщеславие, пьянство, забвение человеком Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов. / А. Я. Гуревич // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах (Б-ка всемирн. лит. Сер.1; Т. 9). — М. : Художественная литература, 1975. — С. 5–26.

2. Remley P. G. Old English Biblical Verse. Studies in Genesis, Exodus and Daniel. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 476 p.

3. Anderson E. R. Style and Theme in the Old English Daniel / E. R. Anderson // English Studies. — Vol. 68. N 1. — 1987. — P. 1–23.

4. Harbus A. Nebuchadnezzar's Dreams in the Old English Daniel / A. Harbus // English Studies. — Vol. 75. N 6. — 1994. — P. 489–508.

5. Caie G. D. The Old English Daniel: A Warning against Pride / G. D. Caie // English Studies. — Vol. 59. — 1978. — P. 1–9.

6. Lucas P. J. On the Incomplete Ending of Daniel and the Addition of Christ and Satan to MS Junius 11 / P. J. Lucas // Anglia. –Vol. 97. –1979. — P. 46–59.

7. Daniel and *Azarias* / Ed. with Intr., Notes and Glos. by R.T. Farrell. — London: Butler and Tanner, 1974. — 140 p.

8. Beowulf and the *Fight at Finnsburg* / Ed. with Intr., Bibl., Notes, Glos. and App. by F. Klaeber. — Boston: Heath and Co, 1950. –471 p.

9. Bosworth, J., Toller, T. N. An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth / Ed. and enlarged by T. N. Toller. — Oxford: Oxford University Press, 1882–1898; 1964; 1955. — 769 p.

10. Greenfield S. B. The Formulaic Expression of the Theme of Exile in Anglo-Saxon Poetry / S. B. Greenfield // Speculum. –— Vol. 30. N 1. — 1955. — P. 200–206.

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

Яценко М. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков

E-mail: toma345@yandex.ru, yatsenm@mail.ru

Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M. A. Bonch-Bruevich

Yatsenko M. V. Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Languages Department

E-mail: toma345@yandex.ru, yatsenm@mail.ru